

УДК 348

DOI: 10.24412/2713-1033-2021-1-7-20

А. Н. Кондратьева

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Саранск, Россия,
e-mail: annaalyakina@yandex.ru

**«ЛОГИКА МЕНЬШЕГО ЗЛА» В КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ И
КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ:
НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Религия уже на протяжении многих столетий играет важную роль в правовой этике, даже несмотря на то, что религиозные предписания напрямую не упоминаются в типовых кодексах или правилах, судебных делах и дисциплинарных процедурах. В рамках правовой этики трудно определить роль религии, отчасти из-за того, что представители юридической профессии расходятся во мнениях относительно характера юридической этики самой по себе. Юридическая этика обычно фокусируется на профессиональных стандартах юристов, правилах, обнародованных в федеральных кодексах, региональных законах или корпоративных документах (например, кодексы, которые разрабатывает ассоциация адвокатов). Помимо этих кодексов или правил, юридическая этика иногда рассматривает более широкие вопросы профессиональной ответственности, включая роль юриста в профессии и роль юридической профессии в обществе. Постоянный вопрос о «профессиональной ответственности» заключался в том, являются ли собственные стандарты профессии адекватными с точки зрения профессиональной этики или же они должны быть дополнены другими, неюридическими перспективами. Этот последний вопрос порождает другой, более глобального характера. Очень часто, разрешая ту или иную проблему, юрист, будь то законодатель или правоприменитель, использует «логику меньшего зла».

В результате анализа источников канонического права автор приходит к выводу о том, что «логика меньшего зла» активно применялась каноническими юристами при решении ряда вопросов. Однако, ни в Средние века, ни сегодня не выработана формула или алгоритм применения данного принципа, что в определенных ситуациях может приводить к злоупотреблениям.

Ключевые слова: «логика меньшего зла», каноническое право Западной Европы, католическая этическая доктрина, принцип икономии, разумное терпение надвигающегося зла.

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований

по теме «Теология в контексте междисциплинарных научных исследований» (проект № 21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»).

A. N. Kondratyeva

The Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)», Saransk, Russia,
e-mail: annaalyakina@yandex.ru

«LOGIC OF LESSER EVIL» IN CANON LAW AND CATHOLIC ETHICAL DOCTRINE: NORMATIVE DIMENSION

Religion has played an important role in legal ethics for centuries, even though religious precepts are not directly mentioned in model codes or regulations, court cases and disciplinary procedures. Within legal ethics, it is difficult to define the role of religion, in part because members of the legal profession disagree about the nature of legal ethics itself. Legal ethics usually focuses on the professional standards of lawyers, rules promulgated in federal codes, regional laws, or corporate documents (for example, codes developed by a bar association). In addition to these codes or rules, legal ethics sometimes deals with broader issues of professional responsibility, including the role of the lawyer in the profession and the role of the legal profession in society. A persistent question about «professional responsibility» was whether the profession's own standards were adequate in terms of professional ethics, or whether they should be complemented by other, non-legal perspectives. This last question actually gives rise to another question of a more global nature. Very often, when solving a particular problem, a lawyer, be it a legislator or a law enforcement officer, uses the «logic of lesser evil».

As a result of the analysis of the sources of canon law, the author comes to the conclusion that the «logic of lesser evil» was actively used by canon lawyers in solving a number of issues. However, neither in the Middle Ages, nor today has a formula or algorithm for applying this principle been developed, which in certain situations can lead to abuse.

Keywords: “Logic of lesser evil”, Canon Law of Western Europe, Catholic Ethical Doctrine, the Principle of Economy, the Reasonable Patience of Impending Evil.

Acknowledgment: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the competition for the best scientific projects of fundamental research on the topic «Theology in the context of interdisciplinary research» (project No. 21-011-44239 «Normative dimensions of Christian canons: traditions and dynamics»)

Введение

Принцип «Из двух зол всегда выбирают меньшее», как известно, сформулировал еще Аристотель в работе «Никомахова этика». Цицерон,

развивая идею Аристотеля, в сочинении «Об обязанностях» писал: «Следует не только выбирать из зол наименьшее, но и извлекать из них самих то, что может в них быть хорошего»¹.

Богатейший опыт практического применения концепции меньшего зла имеет европейская каноническая правовая традиция. Такие канонисты, как Иво Шартрский и авторы Библейских глосс, сохранили традицию казуистики. В XII веке, когда каноническая юриспруденция достигла своего расцвета, теологи и канонисты стали не только формировать сборники христианского нравственного учения, но и подвергать авторитетные мнения более строгому анализу. Именно эта мода на более аналитические компиляции изменила параметры самого вопроса о применении «логики меньшего зла», а также открыла путь новой казуистике.

Материалы и методы.

На различных этапах исследования были использованы общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, системный подход и др.). Наряду с общенаучными методами проведенное исследование базируется на специальных методах историко-правовой науки, а именно: конкретно-историческом (портретном), историко-проблемном, контекстном и нормативно-ценностном. Применение данного методологического инструментария позволило установить, что необходимо отходить в ряде случаев от «логики меньшего зла» в пользу «разумного терпения надвигающегося зла».

Результаты и обсуждение.

«Sic et Non» Питера Абеляра и «Decretum Gratiani» болонского монаха Грациана демонстрируют, как усилившийся критический интерес к святоотеческим и юридическим наукам привел к более пристальному рассмотрению практических моральных проблем².

Абеляра считали и по-прежнему считают новатором в моральной мысли, потому что его философия явно разграничивала моральное намерение совершить плохое действие и действие само по себе. На самом деле, он был не первым теологом, который интересовался отношениями между намерением и грехом, но он оказал влияние на более поздних богословов, побудив их к осмыслению относительной роли намерения и действия при совершении грехов [Meens, 2014: 200-201].

Дилеммы – это ситуации, когда обычно плохое действие искупается благими намерениями – можно было ожидать, что Абеляр проявит к ним интерес; на самом деле, однако, его теоретическая этика включает очень мало

¹ Серов В. Из двух зол всегда выбирают меньшее // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс», 2003.

²См.: Lombardus P. Sententiae in IV Libris Distinctae, ed. Collegium S. Bonaventurae ad Claras Aquas, Spicilegium Bonaventurianum 4-5. Lib. 3, D. 38-9, T. II. Pp. 213-227.

анализа практических случаев. В своей теоретической философии он прямо не допускал, что могут быть обстоятельства, при которых люди оказываются в моральном сомнении или в ситуации, когда диктат совести неясен. Его повествовательные произведения, с другой стороны, затрагивали сложные ситуации, но обходили вопрос, как принять правильное решение в дилемме. Его больше интересовало эмоциональное значение трудного морального выбора, чем альтернативные практические варианты [In: Ruys, 2014: 247-251, 259-262, 274-283]. Абельяр признает, что его протагонисты вынуждены выбирать между нежелательными альтернативами – до такой степени он указывает на практическую этику – но он не доводит их дилемму до более чем эмоциональной проверки.

Однако Абельяр все же включает ряд вопросов нормативной этики в свой трактат «Sic et Non». В частности, он предпринимает попытку обсудить: «Законно ли иметь наложницу?», «Разрешено ли убивать?», «Допустима ли ложь?» и др. [Abelard, 1976: 445-446, 515-517, 524-526]. Оригинальность «Sic et Non» заключалась в том, что Абельяр собрал список богословских вопросов, святоотеческих и библейских текстов, которые, казалось, выступали рассуждениями «за и против» в рамках какой-либо ситуации. Работа Абельяра использовалась в процессе преподавания, и он предоставил студентам возможность использовать логику наряду с риторическими и косвенными соображениями, чтобы объяснить очевидное несоответствие между авторитетами и ответить на вопрос. Абельяр опирался на более ранние компиляции святоотеческих авторитетов, в первую очередь, на работы Иво Шартрского, но он искал дополнительные и подрывные авторитеты, которые привлекли внимание к теологическим проблемам, не оцененным в полной мере его современниками. В главе о том, разрешено ли когда-либо лгать, он использует знаменитую августиновскую типологию лжи и свое различие между ложью и сокрытием правды, но при этом добавляет более современное видение проблемы: «Ложь часто необходима, а иногда и полезна...».

Смысл методологии Абельяра состоит в том, что этические правила не являются самоочевидными, и что патристика не дает беспроblemных указаний относительно того, разрешено ли когда-либо лгать. Собственно говоря, вопросы в «Sic et Non» – это не случаи совести, а попытки утвердить теоретическое христианское учение. Абельяр пытался согласовать противоречивые тексты, чтобы прийти к окончательному общему принципу; его не интересовали ни практические советы, ни необычные обстоятельства. Однако метод Абельяра содержал предложение о том, что богословские вопросы следует снова открыть для дальнейшего исследования, и что многие проблемы еще не решены.

Другой автор, обладающий более практическим чутьем, известный нам как Петрус Кантор, был французским римско-католическим теологом. Он использовал формат нерешенного вопроса и применял его к проблемам морального недоумения.

Стоит заметить, что католическое каноническое право уже с XII столетия представляло собой оформленную систему. Одной из первых работ, которая имела большое влияние на юридическую каноническую практику, стал Декрет болонского монаха Грациана. Это был учебник права, и поэтому его концепция была направлена на то, чтобы сделать юридические каноны и святоотеческое учение доступными для тех, кто принимает решения в части оценки поведения человека. В своей работе Грациан излагает материал по следующему принципу: он предлагает рассмотреть вымышленное дело, делит его на ряд отдельных юридических пунктов и перечисляет соответствующие каноны перед тем, как предложить решение.

Методология Грациана на самом деле очень близка к методологии Абеяра в «Sic et Non» [Meuer, 2000: 264], и вопрос о применении «меньшего зла» является ярким примером интеграции богословской темы в то, что номинально является юридическим текстом [Cogan, 2015: 77-78]. В одной из своих работ известный исследователь средневекового канонического права Штефан Каттнер показал, что особые обстоятельства и их влияние на мораль конкретных решений вызывают озабоченность Грациана и комментаторов Декрета (декретистов) конца XII века. Поскольку «Decretum» представляет собой неразрывную смесь морального и сакраментального богословия и религиозного права, в работе можно обнаружить первые признаки различия между юридическим и моральным регулированием. Каттнер показал, что в своем обсуждении конкретных преступлений, в первую очередь, убийства, убийства священнослужителей и лжесвидетельства, Грациан упомянул определенные концепции, связанные со смягчением вины и моральной оценки события, отличные от юридических доказательств, такие как умственная отсталость, невежество, принуждение и необходимость. Ранние комментаторы Декрета (большинство из которых писали в последние десятилетия XII в. и первые десятилетия XIII в.) постепенно наполняли эти призрачные термины смыслом, часто путем внимательного изучения случаев совести и ссылок на римское право. Это была научная среда, в которой впервые были разработаны многие казуистические концепции.

Примечательно то, что в своем «Декрете» Грациан достаточно четко и обоснованно сформулировал мысль о том, что в ряде случаев можно решить вопрос, используя «логику меньшего зла». «Не допускается никакой диспенсации, противоречащей естественному праву, кроме случаев, когда два зла донимают так, что приходится выбирать одно из них». Ссылаясь на положения VIII Толедского собора, Грациан указывает, что из двух зол следует выбирать меньшее. «Хотя этого следует со всяческой осторожностью беречься, все же, если неизбежная опасность заставит совершить одно из двух зол, мы должны разрешить то, что, как известно, связывает [человека] менее прочными узами. С ясностью и остротой ума нам следует разобраться, что из них легче, а

что тяжелее»¹.

Грациан активно применял логику меньшего зла при рассмотрении ряда важных вопросов. Например, в ситуации о недоумении (когда нужно выбирать между двумя явно греховными образами действий) Грациан процитировал три случая совести, заимствованные из книги Григория Великого «Моралии в книге Иова»²:

1) Мужчина пообещал своему другу, что он будет хранить секреты, но секрет оказывается в том, что друг прелюбодействует и пытается убить мужа своей любовницы. Человек, давший клятву, колеблется между раскрытием преступления, чтобы он не участвовал в прелюбодеянии и убийстве, и сохранением молчания, чтобы не дать лжесвидетельства.

2) Человек оставляет мирскую жизнь и подчиняется воле человека, «который опекает его перед Богом» (т.е. для средневекового человека это означало, что он переходит в монастырь). Начальник приказывает подчиненному делать то, что запрещает Бог, и совершать мирские поступки. Субъект должен выбрать между грехом непослушания и совершением преступлений против Бога.

3) Священник получил церковную должность через симонию и теперь признает свою вину. Требуется ли от него отказаться от должности или будет большим грехом оставить свою паству?

Грациан использовал эти случаи, чтобы продемонстрировать принцип, согласно которому в случаях недоумения следует выбирать меньшее зло, идею, которую он позаимствовал у Папы Григория Великого³. Штефан Каттнер также обратил внимание на связь, которую декретисты видели между этими явными случаями недоумения (которые сами по себе связаны с такими понятиями, как нарушенные обещания и клятвы и вступление в должность под ложным предлогом) и известным случаем о лжи свидетеля и убийце⁴. Когда убийца просит вас предать невинного человека, вы должны выбрать (думали декретисты) между его предательством, молчанием или ложью. Учитывая, что молчание может быть равносильно предательству, если убийца пронизателен, представляет ли собой эта ситуация «perplexitas», то есть необходимый выбор между двумя злыми действиями? Комментаторы спорили по этому поводу, а некоторые, например, Иоганнес Фавентиус, утверждали, что прощительный грех лжи – лучший выбор в этом вопросе. Другие, такие как Симон Безиньяно, настаивали вместе с Августином, что молчание никогда не может быть

¹Декрет Грациана о согласовании несогласных канонов (извлечения) // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. II. Европа: V-XVII вв. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова; пер. Н. Ф. Ускова. М.: Мысль, 1999. С. 240-273.

²Gratian, Decretum. D.13 c.2, vol. i, col. 32. In: Kuttner S. Kanonistische Schuldlehre, Pp. 258-259.

³Ibid, Pp. 259.

⁴Quoted in Gratian, Decretum at C.22, q.2 c.14, vol. i, col. 871.

смертным грехом¹.

Эти отрывки о моральных дилеммах переходят черту истинной казуистики лжи и лжесвидетельства. Грациан схематично, а его комментаторы со все возрастающей точностью взяли исходный материал конкретных дел как основу для нюансирования своего понимания виновности в целом. Их интерес к делам совести совпал с разделением публичного юридического обвинения и частной вины в этот период. Поскольку покаянные приговоры в этот период все больше отличались от судебных постановлений, канонистов подтолкнули к размышлениям о соображениях, которые не всегда могли иметь практическое применение в суде. Покаянные суждения в этот период более точно понимались как относящиеся к тому, что кающийся раскрыл на исповеди, а не к тому, что можно было установить в процессе; таким образом, каноническим юристам пришлось более серьезно задуматься над вопросами совести, намерения и смягчения вины.

И канонические юристы всерьез взялись за этот вопрос. Так, в качестве примера можно привести ситуацию, когда в средневековой практике тайный брак от категорически неприемлемого стал приемлемым. Это стало результатом применения «логики меньшего зла» в действии.

В своей работе Грациан, рассмотрев имеющиеся позиции по этому поводу, пришел к выводу, что под тайным браком необходимо понимать такой союз, который заключался вопреки каноническому закону. Поскольку эта форма брака противоречит закону, следовательно – тайный брак запрещен, однако, в силу того, что в тайном браке присутствует такой конститутивный элемент, как согласие, то такой брак является действительным и нерасторжимым. С целью придания законности такому союзу, он призывал публично совершить молитву и получить благословение священника, а также совершить пожертвование и выплатить приданое.

Таким образом, благодаря «*Decretum Gratiani*» тайный брак впервые получает легитимность, поскольку является «законным согласием супругов», а значит – такой брак действителен и его нельзя расторгнуть. В тоже время, Грациан в С. 30, q. 5 c. 11 прямо связывает запрет на тайные браки с трудностью предоставления доказательств в случае судебного спора, поскольку «когда одна сторона отрицает супружескую привязанность к другой, это не может быть опровергнуто». Это было ключевой причиной для осуждения Церковью такой формы брака и признания его незаконной формой брака, хотя и допустимой. Таков был формальный запрет на тайный брак при его сущностном допущении в эпоху жизни и творчества Иоанна Грациана. На тот момент Церкви гораздо удобнее было признать «тайный брак», чем отказываться от него и порождать еще более частые случаи блуда, прелюбодеяний и иных грехов.

¹ Gratian, *Decretum*. D.13 c.2, vol. i, col. 32. In: Kuttner S. *Kanonistische Schuldlehre*, Pp. 288-289.

После работы Грациана именно Петрус Кантор первым попытался ответить на потребность в этических советах в сложных случаях в рамках расширенного и систематического исследования. Разрабатывая прототип, взятый из канонического права, он провел серию лекций, призванных дать четкое руководство о том, как согласовать общий принцип с индивидуальной совестью в тех случаях, когда эти два принципа не совпадают. Это не было «ожидаемым» развитием; ничто не обязывало научную среду заниматься спецификой случаев совести; для авторов покаянных книг было вполне возможно дать общие советы по произвольному покаянию. Петрус Кантор просто обладал правильным темпераментом для казуистики и оказался в подходящем для него времени и месте.

Он был человеком, который увидел интеллектуальный пробел и восполнил его. Стиль рассуждений Кантора приобрел более практическое значение, когда он был адаптирован к специализированным пастырским формам. В руководства исповедников стали включать случаи, подобные тем, которые фигурировали у богословов и декретистов конца XII века. Следовательно, аргументы о двусмысленности и условных клятвах заняли регулярное место в наставлениях, которые распространялись среди духовенства. Важно отметить, что в этих руководствах не просто сообщалось, что двусмысленность и притворство допустимы: они побуждали своих читателей взвешивать обстоятельства и моральные возможности, когда они сталкиваются с дилеммой. От своих предшественников они переняли не только учение, но и методику мышления.

В результате вклада богословов конца XIII века этические дилеммы приобрели статус академических исследований. Фактически, казуистика лжи и лжесвидетельства изначально была предварительным и временным ответом на аномалии в морали и законодательстве. В XIV в. сохраняется пастырский мотив инструментального мышления о лжи, и поэтому двусмысленность и моральные дилеммы укоренились в расширяющемся поле советов для исповедников [Corran, 2015: 232-233].

В результате многолетних социальных трансформаций, на сегодняшний день католическая моральная традиция разработала четыре основных принципа, которые помогают ориентироваться в морально сложном мире. Каждый из этих принципов предполагает различную степень взаимодействия со злом и отношения к нему. Принципы заключаются:

(1) в двойном эффекте, при котором одно действие имеет два предвидимых эффекта – один «хороший» (к которому мы стремимся), другой «злой» (терпимый), например, удаление плода во время внематочной беременности для спасения жизни матери;

(2) в терпимости, в которой мы судим, следуя Евангельскому принципу пшеницы и плевел, что на данный момент необходимо терпеть определенное зло, чтобы наши усилия по искоренению злоумышленников не привели к еще большему злу, например, к разрешению легальных аборт, даже если мы не согласны с тем, что это должно быть так;

(3) в компромиссе, в котором мы каким-то образом активно участвуем в действиях или грешных социальных структурах, которые имеют явный морально злой компонент, например, покупка товаров, произведенных в условиях эксплуатации труда в иностранных потогонных цехах;

(4) в меньшем из двух зол, как, например, консультирование по использованию чистых игл среди наркоманов¹.

Если первые два принципа фактически не вызывают споров, то последние носят весьма дискуссионный характер.

Большая часть нашей повседневной жизни включает в себя как компромисс, так и сотрудничество со злом. Иоанн Павел II в контексте разговора об абортах и их допустимости продолжил объяснять в своей энциклике, что «безусловно, противозачаточные средства и прерывание беременности – с нравственной точки зрения, два принципиально различных вида зла: одно противоречит всей истине полового акта как настоящего выражения супружеской любви, второе уничтожает жизнь человеческого существа; первое противостоит добродетели супружеской чистоты, второе противоречит добродетели праведности и прямо нарушает Божию заповедь «не убивай». Несмотря на это различие по природе и нравственной тяжести, они весьма часто тесно связаны, словно плоды одного растения»².

Допустимо ли все же с моральной точки зрения совершать зло, даже если оно «меньше»? Некоторые моралисты так не думают и утверждают, что теория применима не к совершению зла, а, скорее, к его терпению. Существует различие между терпимостью и активной моральной деятельностью, однако католическая моральная традиция утверждает, что в некоторых обстоятельствах можно не только посоветовать меньшее зло, но и помочь кому-то осуществить его. Объективно, применение логики меньшего зла напрямую связано с действием принципа икономии, по крайней мере, в ряде случаев. Один из таких случаев приведен ниже.

Не так давно Папа Бенедикт XVI апеллировал к принципу меньшего зла в указе, разрешающем использование презервативов в местах с высоким уровнем распространения ВИЧ³. Ватикан заявил, что презервативы являются меньшим из двух зол, когда они используются для сдерживания распространения СПИДа, даже если их использование предотвращает беременность. Ватикан по-прежнему

¹ Simony in the Church: Lessons from histories and stories. URL: <http://frlawrenceogundipe.blogspot.com/2019/08/simony-in-church-lessons-from-histories.html> (дата обращения: 18.08.2021).

²«EVANGELIUM VITAE». 11-я энциклика папы Римского Иоанна Павла II от 25 марта 1995 г. о ценности и нерушимости человеческой жизни. URL: <https://cosb-mp.ru/dokumenty/zarubezhnye/una-fides-evangelium-vitae-o-tsennosti-i-nerushimosti-chelovecheskoj-zhizni> (дата обращения: 18.08.2021).

³Ватикан: Использование презервативов-меньшее зло, чем распространение ВИЧ. URL: <https://www.foxnews.com/world/vatican-condom-use-less-evil-than-spreading-hiv> (дата обращения: 20.08.2021).

считает, что использование презервативов аморально, и что церковная доктрина, запрещающая искусственный контроль над рождаемостью, остается неизменной. Тем не менее, переоценка использования презервативов в целях профилактики заболеваний имеет огромное значение, особенно в Африке, где свирепствует СПИД¹. Бенедикт XVI сделал нынешнее сенсационное заявление в книге «Свет мира». На вопрос о том, является ли отрицание презервативов чем-то категорическим и тотальным, Бенедикт XVI ответил в том духе, что «в ряде случаев его использование может быть оправдано, когда оно помогает предупредить заражение ВИЧ-инфекцией».

Данный факт лишь подтверждает, что на протяжении веков христианская церковь видела свою задачу в сведении человеческого зла к минимуму. Теологические истоки аргумента о меньшем зле бросают тень на настоящее. Фактически, эта идиома глубоко укоренилась и используется в поразительно разнообразном наборе контекстов – от индивидуальной ситуационной этики и международных отношений до попыток управлять экономикой насилия в контексте «войны с террором» и усилия правозащитников и гуманитарных активистов преодолеть парадоксы помощи, которые, похоже, полностью заменили позицию, ранее закрепленную за термином «хорошая». Более того, само обращение к «добру», кажется, повсюду вызывает утопические трагедии современности, в которых зло, казалось, таилось в ужасной манихейской инверсии. Если в будущем не будет никакой надежды, все, что останется, – это застраховаться от рисков, смягчить и уменьшить побочные эффекты необходимых действий и позаботиться о тех, кто в результате пострадал.

В отношении войны с террором термины «меньшее зло» наиболее четко сформулировал Майкл Игнатъев, бывший ученый-правозащитник и лидер Либеральной партии Канады. В своей книге «Меньшее зло» Игнатъев предположил, что для «уравновешивания свободы и безопасности» либеральные государства должны создать механизмы, регулирующие нарушение некоторых прав человека и правовых норм, и позволить своим службам безопасности участвовать в формах внесудебного насилия, что, по его мнению, рассматривались как меньшее зло – чтобы отразить или свести к минимуму потенциальное большее зло, такое как террористические атаки на гражданское население в западных государствах. По его мнению, если правительствам необходимо нарушить права в случае террористической угрозы, это должно быть сделано только в виде исключения и в соответствии с процессом состязательной проверки. «Исключения, - заявляет Игнатъев, - не разрушают правило, а сохраняют его, при условии, что они являются временными, публично оправданными и применяются в качестве крайней меры» [Игнатъев, 2005].

Как бы то ни было, на самом деле применение «логики меньшего зла» порождает ряд нерешаемых проблем, а спонтанная реакция многих людей не

¹ Революция в Ватикане. Бенедикт XVI признал презерватив // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2010/11/21/papa-site.html> (дата обращения: 23.08.2021).

доказывает, что все разрешается бесп проблемно при выборе меньшего зла. В конце концов, как нужно сравнивать жизни: только численно, или их сущность тоже имеет значение? Спасение пяти жизней вместо одной не обязательно должно быть *априори* большим благом... Иногда то, что на *первый взгляд* кажется лучше, не обязательно является таковым в долгосрочной перспективе.

Рассуждая по этому поводу Якуб Райчани из Университета Комениуса в Братиславе предложил, как минимум, четыре сценария применения «логики меньшего зла»:

A.1 Зло, *активно выбранное* для того, чтобы могло последовать (большее) добро;

A.2 Зло, которое *дозволено* для того, чтобы могло последовать (большее) добро;

B.1 Зло, *активно выбранное* для того, чтобы избежать большего зла;

B.2 Зло, которое *дозволено*, чтобы избежать большего зла [Rajčáni, 2021].

Из этих четырех возможных вариантов действий B.2 является безупречным, хотя результат был и остается плачевным. Люди несут некоторую ответственность и по отношению ко злу, которое произошло без их вклада, пока они знали о нем. Опасность состоит в том, чтобы объединить различные ситуации под одним и тем же ярлыком «меньшее зло».

Если рассуждать с юридической точки зрения, то кажется правильным заключить, что руководящим принципом действия человека должен стать выбор большего блага, но никак не предпочтение меньшего зла, которое только иллюзорно утешает нашу совесть, уверяя нас, что, по крайней мере, мы избежали худших результатов... В тоже время, аналогия в данном случае вовсе не равномерная: уменьшение «злого» эффекта действия – это обязанность (и прекращение его действия может повлечь или не повлечь за собой вину), в то время как выбор величайшего блага – задача (следовательно, неспособность достичь ее не всегда заслуживает порицания), и иногда нужно временно довольствоваться некоторой степенью блага вместо того, чтобы стремиться к достижению максимального блага.

Бог призывает всех верующих к ответственности только за поступки, в которых не было необходимости, т.е. их можно было избежать. Вопрос в том, сколько существует ситуаций, в которых мы фактически сталкиваемся только с двумя альтернативами, обе из которых зло – одно большее, другое – меньшее. Нужно отметить, что часто бывают и другие скрытые решения.

Фактически, как определено одно из условий так называемого «рассуждения о двойном эффекте», следует реализовать наименьший возможный вред, когда он неизбежен. Вероятно, именно здесь «логика меньшего зла» находит свое применение на личном уровне: зло может быть допущено не только как альтернатива другим, еще худшим сценариям, но и потому, что оно меньше по сравнению с ущербом, который мог бы возникнуть, если бы ничего не было сделано.

И хотя анализ конкретных случаев выходит за рамки данной статьи, необходимо обратить внимание на другие возможные конфликты, в которых задействован принцип меньшего зла:

- посещение воскресной службы вместо заботы о больном ребенке из любви с нарушением церковных заповедей – этот классический пример довольно ясен, поскольку два поставленных на карту обязательства не относятся к обязательствам одного ранга: посещение мессы – это заповедь Церкви, а благотворительность – это заповедь, дарованная Богом и в определенном смысле также заповедь естественного закона, следовательно, они несравнимы;

- согласиться на одно телесное искушение как на предотвращение избегания другой, худшей нечистоты или как средства снижения психологического давления (которые могут быть реальными) – в данном случае выбирают между двумя похожими действиями, различающимися по степени, но все еще отдельными, оба из которых еще не начались.

Следовательно, речь идет не только о выборе между двумя злыми действиями – плохим и еще более плохим, но и об уменьшении последствий самого греховного поступка.

Заключение

Резюмируя изложенное, следует сказать, что при выборе варианта поведения необходимо исходить из позиции отказа от зла и движения к большему совершенству. Меньше грешить, конечно, недостаточно, но это необходимое условие для того, чтобы стать законопослушным человеком. Нет нужды доказывать, что поступки, которые считаются греховными – рано или поздно могут повлечь за собой нарушение закона либо станут преступлениями или правонарушениями сами по себе в условиях подвижности законодательства.

«Принцип меньшего зла» не следует рассматривать в качестве основного руководящего принципа. «Логика меньшего зла» напрямую связана с действием принципа икономии, по крайней мере, в ряде случаев, в частности, в ситуациях, приведенных выше.

Христианская этика сводит морально сложную ситуацию к выбору между двумя бедами, и психологически это также делает человека слепым к другим возможным вариантам, которые можно было бы искать. Поэтому, вместо того, чтобы разрешать юридические вопросы с применением «логики меньшего зла», современные правоприменители, опираясь на опыт канонической юриспруденции, должны применять логику «разумного терпения надвигающегося зла». На современном этапе она находит применение, в основном, в разработке социальной политики с целью уменьшить вред или избежать большей опасности для всего социума.

Изложенное выше позволяет признать, что «логика меньшего зла» должна применяться при разрешении правовых вопросов крайне редко, уступая место «разумному терпению надвигающегося зла». Социальная политика России и

правовые позиции многих государств в вопросах борьбы с коронавирусом – «злом», которое одолевает сегодня все страны мира, наглядный тому пример.

Список литературы (References)

1. Игнатъев М. Меньшее зло: политическая этика в эпоху террора (с новым предисловием автора). Принстон: Издательство Принстонского университета, 2005.

Ignatiev M. (2005) Lesser evil: political ethics in the era of terror (With a new foreword by the author). Princeton: Princeton University Press. (In Russ.)

2. Серов В. Из двух зол всегда выбирают меньшее // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс», 2003.

Serov V. (2003) Of two evils, the lesser is always chosen // Encyclopedic dictionary of winged words and expressions. Moscow: «Lokid-Press», 2003. (In Russ.)

3. Abelard P. (2014) Planctus Virginum Israel super Filia Iepte Galadite. In Ruys J. The Repentant Abelard: Family, Gender and Ethics in Peter Abelard's Carmen ad Astralabium and Planctus. New York: Palgrave Macmillan US. DOI: 10.1057/9781137051875.

4. Abelard P. (1976) Sic et Non. Eds. Boyer B., McKeon R. Chicago: University of Chicago Press.

5. Corran E. (2015). Lying and perjury in medieval practical thought UCL: Submitted for the degree of PhD in History.

6. Kuttner S. (1935) Kanonistische Schuldlehre von Gratian bis auf die Dekretalen Gregors IX: Systematisch auf Grund der handschriftlichen Quellen dargestellt. Bibliotheca Apostolica Vaticana.

7. Meens R. (2014) Penance in Medieval Europe, 600-1200. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139029667.013>.

8. Meyer Ch. (2000) Die Distinktionstechnik in der Kanonistik des 12. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte des Hochmittelalters. Leuven: Leuven University Press.

9. Rajčáni J. (2021) A Christian Reassessment of the «Lesser Evil» Principle. *Journal of the Nanzan Academic Society Humanities and Natural Sciences*. No. 22. P. 165-182.

Сведения об авторе

Кондратьева Анна Николаевна – к.ю.н., преподаватель Колледжа Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Область научных интересов: средневековое каноническое право Западной Европы. Автор более 40 научных и учебно-методических работ.

E-mail: annaalyakina@yandex.ru

About the author

Kondratyeva Anna Nikolaevna – PhD in Law, Lecturer at the College of the Mid-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk, Russia. Research interests: medieval canon law of Western Europe. Author of more than 40 scientific and educational works.

E-mail: annaalyakina@yandex.ru